

Адвокаты стали часто посещать виллу, принося с собой стопки объемных контрактных документов что Цзи Цинъюй ознакомился с ними.

«Песни Цзи Жаня уже набрали более сотни миллионов прослушиваний», — сказал старший адвокат, перелистывая следующую страницу контракта. «Он неоднократно заявлял публично, что является единственным автором текстов и композитором, что представляет собой нарушение ваших прав...»

Цзи Цинъюй помог им с оставшейся работой и встал, когда адвокаты уже собирались уходить. «Надеюсь, этот вопрос не будет усугубляться».

«Господин Цзи, вы больше не представляете только себя — вы также представляете корпорацию Фу», — ответил адвокат, с недоумением нахмутив брови. «Общественное мнение всегда было разделено по поводу отношений между Цзи Жанем и господином Фу. Принимая вашу сторону в этот раз, господин Фу на самом деле делает вам одолжение».

Принимает его сторону?

Цзи Цинъюй промолчал. Он не верил в это.

Независимо от того, делал ли Фу Хань это, чтобы отомстить Цзи Жаню или защитить репутацию супруги семьи Фу, это определенно не было ради него.

Он слишком много раз был самонадеянным — на этот раз он не повторит эту ошибку.

Оставшись один в просторной комнате, он прислонился к стене, опустив взгляд, когда его зрение затуманилось. Пустая гостиная создавала у него иллюзию, что он — птица, запертая в клетке, — неспособная улететь, неспособная отдохнуть.

Он чувствовал себя измотанным. Слегка завязав волосы, он сел на диван, пробежал глазами серьезный текст контракта, а затем повернулся к окну.

Снаружи небо было чистым лазурным, окрашенным в бледно-голубые оттенки и мягкие тени.

Он отправил сообщение: «Можем ли мы найти компромисс в ситуации с Цзи Жанем?»

Через полчаса позвонил Фу Хань.

Цзи Цинъюй ответил, и голос Фу Ханя был холоднее льда, пронизанный едким сарказмом,

который поразил его прямо в сердце: «У вас двоих действительно глубокая братская связь, не так ли? Он всегда был твоей правой рукой. Теперь, когда ты наконец-то осуществил свое желание и вышел за меня замуж, конечно, ты хочешь отплатить ему за его доброту».

Цзи Цинъюй даже не хотел отвечать. Сжимая ткань дивана, он заставил свой голос оставаться спокойным. «Пожалуйста».

Через несколько секунд Фу Хань повесил трубку.

Внезапно Цзи Цинъюй почувствовал себя совершенно измотанным. Все, чего он желал, — это выздоровление Линь Ин.

В этот бурный период выступления Цзи Жаня были полностью приостановлены. В недавнем телевизионном выступлении Фу Хань внезапно заменил одну из песен Цзи Жаня классической старой песней.

Спекуляции разгорелись. Вскоре после этого более сорока песен Цзи Жаня были удалены со всех платформ, что вызвало бурю возмущения среди поклонников. Последовало множество обвинений и проклятий — на этот раз в основном в адрес Цзи Жаня.

Через несколько дней адвокат снова пришел с пересмотренной версией контракта. В нем было указано, что песни были написаны совместно Цзи Жанем и Цзи Цинъюем, и что гонорары Цзи Жаня за концерты будут делиться с Цзи Цинъюем. Корпорация Фу также поможет Цзи Жаню объяснить ситуацию, стремясь сохранить достоинство обеих сторон.

Цзи Цинъюй открыл музыкальное приложение и заметил, что его имя было добавлено в список авторов этих песен.

Он проследил пальцем по трем иероглифам. Экран телефона ярко светился, как и его глаза.

Прокрутив дальше, он увидел, что Цзи Жань опубликовал заявление в социальных сетях. Содержание в основном совпадало с тем, что сказал адвокат — казалось, что обе стороны достигли соглашения.

Цзи Цинъюй пробежал глазами раздел комментариев. Он по-прежнему был заполнен контролируемыми комментариями от оплачиваемых комментаторов и фанатов, но, когда маркетинговые аккаунты начали раскрывать прошлые скандалы Цзи Жаня, в них стали появляться и несогласные голоса.

«Фу Хань, должно быть, превратил любовь в ненависть — уничтожая то, чего не может иметь».

«Цзи Жань — зеленая чайная сучка».

«Цзи Жань не знает стыда? Это же практически плагиат!»

«Украсть чужую работу и еще и утверждать, что она его? Это же явно опыт его брата!»

«Наконец-то кто-то, кого я не люблю, разоблачен!»

Цзи Цинъюй молча наблюдал за происходящим. Странно, но даже несмотря на то, что Цзи Жань наконец-то понес наказание за свои поступки, Цзи Цинъюй не испытывал никакого удовлетворения — в его сердце не было даже малейшей волны эмоций.

Вечером, когда было сделано объявление, Фу Хань вернулся домой необычайно рано. Он казался особенно плохо настроенным. Услышав, как он вошел, Цзи Цинъюй подошел, чтобы помочь ему снять пальто, и почувствовал слабый запах алкоголя на его костюме.

Фу Хань прислонился к дверному косяку, слегка наклонив голову. Его волосы были слегка растрепаны и свободно падали на лоб, пока он наблюдал, как Цзи Цинъюй вешает его пальто.

Цзи Цинъюй повернулся к кухне и принес паровой яичный крем, который тетя Ван разогрела ранее, и поставил его на стол. Он уже собирался позвать Фу Ханя, когда понял, что тот уже бесшумно подошел.

«Ты всегда такой», — пробормотал Фу Хань, казавшийся довольно пьяным. Он оперся рукой на спинку стула за спиной Цзи Цинъюя, заслонив свет над ним, и медленно произнес: «Тебе нечего сказать?»

Цзи Цинъюй был сбит с толку. Всегда какой? Возможно, Фу Хань перепутал его с кем-то другим, а может, он снова нечаянно сделал что-то, что его обидело. В любом случае, он сразу же сказал: «Прости».

Выражение лица Фу Ханя не улучшилось. Его веки были слегка покрасневшими, и было неясно, сколько он выпил.

В памяти Цзи Цинъюя, Фу Хань никогда не любил пить. Даже когда он пил, он никогда не напивался. Однако за короткое время с момента их брака Цзи Цинъюй уже второй раз видел его в таком состоянии.

Фу Хань смотрел на него бесстрастным взглядом. Когда Цзи Цинъюй попытался встать, Фу Хань прижал его обратно к стулу. Его голос был тяжелым и холодным. «Цзи Цинъюй, ты спрашивал моего мнения, прежде чем добавлять чужое имя к этим песням?»

Зачем мне твое мнение?

Цзи Цинъюй не хотел спорить с пьяным. Он снова попытался встать, но Фу Хань наклонился и поцеловал его. Во рту не было вкуса алкоголя, только слабый привкус мятных леденцов.

«Тебе все равно», — пробормотал Фу Хань, крепче сжимая подбородок Цзи Цинъюй. «Ты ничего не понимаешь».

Цзи Цинъюй подумал про себя, что есть вещи, которые ему небезразличны, но Фу Хань не входил в этот список.

Он был ошеломлен поцелуем Фу Ханя, его разум был затуманен и почти отключился. Когда его затылок был крепко удержан, слезы потекли из уголков его глаз.

Взрыв кислого аромата сливы охватил его целиком.

Фу Хань излучал тепло. Каждое место, к которому он прикасался, онемело, и его рука снова коснулась края железа Цзи Цинъюя. Он наклонился, чтобы понюхать — запах Цзи Цинъюя был слабым, почти как вода.

Фу Хань казался недовольным. Он прижался ближе, и его собственный запах зеленой сливы стал сильнее. Но он не получил ответа — иссушенное тело Цзи Цинъюя не могло ответить взаимностью.

Его хватка на талии Цзи Цинъюя становилась все сильнее. Альфа без запаха омеги, который мог бы его успокоить, становился беспокойным, как осел, гонящийся за морковкой, которую он никогда не сможет догнать. Цзи Цинъюй думал, что скоро Фу Хань найдет утешение в другом месте, вместо того чтобы цепляться за него из-за слабого следа запаха.

Цзи Цинъюй ничего не мог поделать. Шрам на его железе был необратимым. Даже если в будущем он хорошо заживет, его запах всегда будет слабым.

Но Фу Хань был далек от удовлетворения. Он снова осмотрел железу Цзи Цинъюя — шрам сформировался, и новая кожа была розовой.

Цзи Цинъюй подумал, что Фу Хань собирается укусить его, и задрожал, пытаясь отстраниться. Но Фу Хань только нежно коснулся шрама.

Цзи Цинъюй на мгновение замер, и Фу Хань снова поцеловал его. Не в силах оттолкнуть его, Цзи Цинъюй оказался в объятиях Фу Ханя. Затем Фу Хань раздвинул губы Цзи Цинъюя. Когда Цзи Цинъюй открыл рот, чтобы что-то сказать, это выглядело так, будто он намеренно кусает палец Фу Ханя.

Фу Хань замер на секунду, затем остановился. Холодная, двусмысленная улыбка коснулась его губ, когда он произнес ледяным тоном: «Ты довольно искусен в искусстве соблазнения».

«Я не...» Цзи Цинъюй нежно схватил руку Фу Ханя, надеясь, что тот отпустит его.

«Не? Тогда что означает это выражение?» Фу Хань снова искажил его намерения.

Цзи Цинъюй почувствовал прилив разочарования и ответил с ноткой вызова: «Да, я все время строил козни. Я прошел через столько, чтобы быть с тобой — почему я не должен тебя желать?»

Он наслаждался кратким моментом ошеломления на лице Фу Ханя, заметив проблеск удивления, прежде чем Фу Хань отпустил его подбородок.

Но прежде, чем Цзи Цинъюй успел убежать, Фу Хань отреагировал, укусив его еще сильнее, как будто пытаясь разорвать его пополам.

Снаружи шел холодный ночной дождь, звук капель окутывал двоих туманом в спальне. В комнате было тихо, но из-под одеяла доносились приглушенные, тихие стоны.

Фу Хань был опытен, а Цзи Цинъюй ничего не знал. Ворочась в постели, он чувствовал боль и дискомфорт, как соленая рыба, тщательно замаринованная.

Около полуночи Цзи Цинъюй проснулся в полудреме, желая попить воды. Когда он поднялся, все его тело болело, как будто разваливалось на части, особенно болезненной была поясница. Он несколько раз пытался встать, прежде чем наконец ему это удалось.

Его чашка упала на пол и покатилась, издавая резкий звук в тишине ночи. Обеспокоенный тем, что может потревожить Фу Ханя, Цзи Цинъюй повернулся, чтобы посмотреть, но увидел, что широкая фигура все еще лежит неподвижно на кровати.

Цзи Цинъюй подошел и протянул руку, чтобы дотронуться до него, но отдернул руку, как будто коснулся раскаленного железа. Половина его сонливости сразу исчезла.

Он попытался разбудить Фу Ханя, похлопав его по спине и тихо позвав по имени, но реакции не последовало.

Ему не оставалось ничего другого, как позвонить семейному врачу посреди ночи и извиниться.

Врач сказал Цзи Цинъюю, чтобы тот сначала нашел лекарство для Фу Ханя, так как он сможет приехать только через пару часов.

В панике Цзи Цинъюй бросился искать лекарство, но как ни старался, не мог заставить Фу Ханя принять его. Потный от беспокойства, он почувствовал желание пару раз ударить Фу Ханя по его красивому лицу. Он подумал про себя: «Фу Ханя явно болен — откуда у него взялись

силы мучить меня раньше?».

Он прислонился к кровати и с беспокойством смотрел на белую таблетку в своей руке. Небольшой ночник освещал прикроватный столик, и, опустив взгляд, он увидел профиль Фу Ханя.

Он был так красив. Цзи Цинъюй на мгновение ошеломило, он протянул руку, чтобы коснуться переносицы Фу Ханя. На этом обычно высокомерном лице теперь отражалась редкая уязвимость, брови были слегка нахмурены, глаза по-прежнему закрыты.

Ошеломленный, Цзи Цинъюй задался вопросом, как такое лицо может принадлежать кому-то с таким вспыльчивым характером.

Наконец, Фу Хань медленно открыл глаза и смотрел на него с недоумением. Цзи Цинъюй замер на месте.

«Ты проснулся. У тебя температура — прими лекарство. Врач скоро придет». Его рука все еще лежала на переносице Фу Ханя, поэтому он мог только неуклюже улыбнуться.

Фу Хань взял руку Цзи Цинъюя и послушно протянул руку к таблетке в его ладони.

«Подожди, я спрошу у врача, можно ли принимать это после алкоголя». Цзи Цинъюй убрал руку, решив еще раз уточнить у врача. Фу Хань тихо наблюдал за ним, не отрывая от него взгляда.

Как хищник, лежащий в засаде.

Цзи Цинъюй почувствовал себя несколько нервно от его пристального взгляда. Накрыв Фу Ханя одеялом и дав ему лекарство, он подумал о том, чтобы принести полотенце, смоченное прохладной водой. Но прежде, чем он успел пошевелиться, Фу Хань схватил его за руку.

«Куда ты идешь?» Голос Фу Ханя был хриплым, его глаза все еще были красными, а кадык слегка подергивался.

«Я пойду принесу тебе полотенце». Не желая спорить с больным человеком, Цзи Цинъюй понизил голос, чтобы успокоить его.

Лоб Фу Ханя был покрыт каплями пота, его глаза блестели. Он выглядел как эльф в темноте — гордый и красивый.

«Ты вернешься?»

«Вернусь».

«Ты врешь».

«Я не вру».

По какой-то причине Фу Хань снова рассердился, повернулся спиной к Цзи Цинъюю и лег. Этот интимный, почти кокетливый жест заставил Цзи Цинъюя задуматься, не перепутал ли Фу Хань его с Цзи Жанем.

Цзи Цинъюй не считал, что заслуживает такой привилегии.

В темноте до его ушей донесся шепот, настолько тихий, что казался почти иллюзорным: «Это было явно написано для меня... Если тебе не важна песня, значит, тебе не важен и я? Кто тебе важен? Я никогда тебе не прощу. Лжец. Если ты обманул меня, почему просто не продолжил лгать...»

Голос Фу Ханя был слишком тихим. Цзи Цинъюй мог уловить только отрывки фраз, и даже после того, как он сложил их воедино, он не смог понять их смысл. Эта сторона Фу Ханя оставляла его беспомощным, поэтому он мог только отвечать, извиняясь снова и снова, обещая, что не уйдет.

Ночь углублялась. После того, что показалось вечностью, наконец прибыл врач. Цзи Цинъюй отошел в сторону, чтобы освободить место. Подумав немного, он пошел в ванную, смочил полотенце холодной водой и открыл дверь спальни, чтобы передать его врачу.

Когда все было сделано, он не осмелился уйти. Опираясь на дверной косяк, он смотрел на ночное небо, погружившись на мгновение в раздумья. Он вытер лицо и прикусил кончик языка, почувствовав острую, длительную боль.

Он никогда раньше не курил, всегда бережно относился к своему голосу, но сейчас ему отчаянно хотелось сигарету — чтобы на мгновение заглушить нервы.

Для вас старалась команда Webnovels

Заметили опечатку или неточность? Напишите в комментариях — и мы отблагодарим вас бесплатной главой!

<http://bllate.org/book/15790/1413145>